

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Бурхонова Гулрух Садриддиновна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы Самаркандского
государственного педагогического института*

Юлдошева Доно Азадовна

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного педагогического
института*

Аннотация. В статье анализируется влияние процессов глобализации на морфологическую систему современного русского языка. Рассматриваются ключевые тенденции трансформации грамматических категорий под воздействием интенсивных межъязыковых контактов, активизации заимствований и цифровизации коммуникативного пространства. Особое внимание уделяется процессам аналитизации, размыванию парадигматических классов существительных и изменениям в функционировании глагольных категорий. Исследует баланс между деструктивными и конструктивными факторами языковой динамики в эпоху глобальных социокультурных сдвигов.

Ключевые слова: глобализация, морфологическая система, аналитизм, заимствования, флективность, русский язык, грамматическая категория, языковая трансформация.

Abstract. The article analyzes the impact of globalization processes on the morphological system of the modern Russian language. The key trends in the transformation of grammatical categories under the influence of intensive interlinguistic contacts, intensification of borrowings and digitalization of the

communicative space are considered. Particular attention is paid to the processes of analytization, the blurring of paradigmatic classes of nouns and changes in the functioning of verbal categories. The author explores the balance between destructive and constructive factors of language dynamics in the era of global socio-cultural shifts.

Keywords: globalization, morphological system, analytism, borrowings, inflection, Russian language, grammatical category, language transformation.

Современный этап развития цивилизации характеризуется беспрецедентной интенсификацией информационных, экономических и культурных обменов, объединяемых понятием глобализации. Будучи глобальным социокультурным феноменом, этот процесс неизбежно проецируется на языковую действительность, выступая мощным триггером внутривидовых преобразований. Традиционно лингвистическая наука постулирует относительную закрытость и стабильность грамматического строя по сравнению с лексической системой, которая мгновенно реагирует на любые внешние стимулы. Однако глубина современных геополитических и технологических сдвигов такова, что их эхо явственно обнаруживается и на глубинном, морфологическом уровне национальных языков. Русский язык начала XXI столетия демонстрирует высокую степень динамизма, в основе которого лежит диалектическое противоречие между сохранением исконной флективной природы и адаптацией к универсальным, глобальным моделям кодирования информации.

Главным вектором морфологической эволюции русского языка под влиянием глобализационных факторов становится поступательное движение в сторону аналитизма. Этот феномен, подробно описанный в классических трудах отечественных языковедов, в новейшую эпоху приобретает качественно новые характеристики. Если в XIX и XX веках аналитические тенденции развивались преимущественно за счет внутренних резервов

системы, то сегодня они активно подпитываются мощным интернациональным субстратом, транслируемым главным образом через англоязычный дискурс. Взаимодействие языков в условиях глобального информационного поля приводит к тому, что структуры, обладающие большей структурной простотой и линейностью, начинают вытеснять традиционные синтетические формы, требующие сложных ментальных операций по согласованию и управлению.

Наиболее рельефно экспансия аналитизма проявляется в сфере субстантивного склонения. В лексический состав русского языка лавинообразно проникают пласты несклоняемой (инвариантной) лексики, обслуживающей сферы информационных технологий, бизнеса, медиа и молодежной субкультуры. Слова вроде «блогер», «стример», «дедлайн» на первом этапе функционируют как чужеродные элементы, однако их колоссальное количество начинает оказывать деформирующее воздействие на парадигматические связи системы. Особый интерес вызывают аналитические новообразования, занимающие позицию препозитивного атрибута, которые фактически выполняют функцию относительных прилагательных, но лишены морфологических признаков рода, числа и падежа. Конструкции типа «интернет-провайдер», «онлайн-конференция», «бизнес-модель» демонстрируют переход от флективного согласования к примыканию, что коренным образом меняет синтагматические правила русского синтаксиса и морфологии [1, с. 45].

Критические дискурсы вокруг данного явления фиксируют полярные точки зрения. Ряд исследователей склонны усматривать в этом процессе симптомы системной деградации и утраты национальной идентичности языка. Они указывают на то, что избыточное накопление несклоняемых компонентов размывает падежную систему, которая исторически являлась каркасом русского синтаксиса. В то же время более умеренная академическая позиция

рассматривает эти изменения как естественную адаптивную реакцию языковой материи на требования коммуникативной экономии. В условиях, когда скорость передачи информации становится ключевым критерием эффективности коммуникации, громоздкие синтетические конструкции уступают место более компактным, «упакованным» аналитическим аналогам, где грамматические значения передаются не внутри слова, а за счет его фиксированной позиции в речевой цепи.

В рамках этого процесса происходит заметное перераспределение функциональной нагрузки внутри самой падежной парадигмы существительных. Наблюдается последовательное ослабление позиций косвенных падежей, обремененных сложной семантикой, в пользу именительного падежа. Этот сдвиг репрезентирует тенденцию к так называемому «номинативному монолиту», когда слово стремится сохранить свою исходную, словарную форму в любых синтаксических условиях. Особенно наглядно это прослеживается в сфере наименований коммерческих брендов, геополитических реалий и медийных продуктов. Вместо нормативного склонения («в „Яндексе“») в живой речи и сетевом пространстве все чаще фиксируется изоляция флексии («в компании „Яндекс“», а затем и просто «в Яндекс»). Происходит ментальная фиксация лексемы как жесткого графического и фонетического знака, не подлежащего внутреннему грамматическому изменению.

Параллельно фиксируются изменения в категории рода имен существительных. Глобализация, принеся с собой новые социальные стандарты, включая гендерную нейтральность и феминизацию профессиональных ниш, сталкивается с жесткой родовой оппозицией русского языка. Попытки искусственного внедрения феминитивов, созданных по западным образцам, демонстрируют глубокое сопротивление морфологической системы. Суффиксы, призванные маркировать женский род

в профессиональной сфере, зачастую приобретают стилистически сниженную, пренебрежительную окраску, что заставляет носителей языка возвращаться к использованию форм мужского рода в общем значении. Это порождает синтаксический разнобой, когда существительное мужского рода координируется с глаголом в форме прошедшего времени женского рода («директор сказала»), что расшатывает традиционные нормы согласования.

Трансформации подвергается и категория числа. Под воздействием англоязычных заимствований, где собирательные концепты выражаются формами единственного числа, в русском узусе активизируются процессы сингуляризации. Абстрактные и вещественные существительные, традиционно употреблявшиеся исключительно в сингулярной форме, под влиянием глобальных профессиональных жаргонов начинают образовывать формы множественного числа для обозначения конкретных разновидностей или дистрибутивных понятий («риски», «компетенции», «активности»). Данный процесс свидетельствует о постепенном размывании жестких семантико-грамматических границ, разделявших конкретную и абстрактную лексику, что ведет к унификации морфологических классов. Язык оказывается перед вызовом: как сохранить свою уникальную флективную архитектуру, не потеряв при этом коммуникативную конкурентоспособность в глобальном, высокоскоростном информационном пространстве. Решение этого противоречия определяет вектор дальнейшей эволюции всей языковой структуры.

Глагол как динамическое ядро русского языка обнаруживает сложную траекторию адаптации к вызовам информационной эпохи. Основное влияние глобализации здесь проявляется в изменении деривационных моделей и переформатировании видо-временных отношений, что непосредственно связано с необходимостью номинации новых технологических процессов и поведенческих паттернов. В новейший период отмечается взрывной рост

глагольных новообразований, мотивированных англоязычными основами. Специфика их интеграции в морфологическую систему русского языка заключается в том, что они принудительно подчиняются законам отечественного словообразования, проходя через процедуру суффиксальной адаптации. Лексемы вроде «шерить», «хайпить», «гуглить», «запостить» моментально обрастают богатой прификсально-суффиксальной парадигмой. На первый взгляд, это свидетельствует о триумфе русского флективного строя, способного «переварить» любой чужеродный элемент. Однако при более глубоком анализе обнаруживается, что данные глаголы деформируют категорию вида, формируя обширные классы двувидовых лексем или глаголов с дефектной парадигмой, где грамматическое значение совершенного или несовершенного вида определяется исключительно широким контекстом, а не морфологическими маркерами [3, с. 88].

Этот процесс ведет к постепенному ослаблению видовой корреляции, которая всегда считалась специфическим и наиболее сложным фрагментом русской грамматики. Глобальная коммуникация требует семантической прозрачности и однозначности; сложные метафорические переходы, обеспечиваемые русскими приставками, заменяются линейными, регулярными моделями. Критики и теоретики языка отмечают, что современный глагольный дискурс становится более прагматичным и менее нюансированным. Интернациональные глагольные основы несут в себе семантику законченного, утилитарного действия, плохо поддающегося традиционному русскому созерцательному членению на длительность и результативность.

Существенные сдвиги фиксируются и в сфере адъективных категорий. Процесс глобализации, неразрывно связанный с развитием маркетинга и рекламы, породил феномен экспрессивной интенсификации качественных признаков. Это привело к деформации категории степеней сравнения

прилагательных. Наблюдается массовое нарушение стилистических и грамматических границ при формировании суперлативов. Конструкции типа «самый лучший», «самый оптимальный», «более высший», ранее квалифицировавшиеся академической грамматикой как грубые ошибки, проникают в медийные тексты и закрепляются в узусе. Происходит плеонастическое удвоение грамматического значения, вызванное стремлением усилить суггестивный потенциал высказывания в условиях перенасыщенного информационного потока. Кроме того, под влиянием глобальных тенденций к компрессии текста активизируется процесс адъективации причастий и деепричастий. Причастия теряют свои глагольные признаки (время, залог) и превращаются в чистые качественные прилагательные, что упрощает структуру предложения, избавляя его от полупредикативных оборотов. Язык стремится избавиться от тяжеловесных синтаксических конструкций, заменяя их короткими атрибутивными цепочками, что опять же работает на общую анализацию языкового строя.

Особого внимания в контексте глобализации заслуживает феномен интернетизации языка, выступающий главным медиумом глобализационных трансформаций. Цифровая среда порождает специфические формы письменной речи, которые по своим характеристикам приближаются к устной спонтанной коммуникации. В этом пространстве возникает феномен «сетевой морфологии», характеризующийся сознательным пренебрежением к орфографическим и грамматическим нормам ради достижения комического или экспрессивного эффекта. Однако то, что начиналось как языковая игра (например, специфические субкультурные эрративы), постепенно инфильтрируется в общую речевую практику. Носители языка утрачивают навык дифференциации нормативных флексий, что приводит к вариативности там, где система веками требовала жесткого единообразия [4, с. 14].

Анализируя эти тенденции, современные лингвистические критики разделяются на оптимистов и пессимистов. Первые утверждают, что русский язык переживает очередной период бурной модернизации, аналогичный петровской эпохе или революционному периоду начала XX века. Они полагают, что морфологическое ядро языка обладает колоссальным запасом прочности, и система самостоятельно отторгнет жизнеспособные элементы, а полезные аналитические инновации ассимилирует, сделав язык более гибким инструментом глобального общения. Пессимисты же бьют тревогу, заявляя, что скорость и масштаб нынешних трансформаций превышают адаптационные возможности языка. По их мнению, размывание падежной и видо-временной систем ведет к утрате смысловой точности и глубины, превращая русский язык в калькированный суррогат глобального английского [2, с. 73]. Взвешенная научная оценка позволяет сделать вывод, что глобализация выступает не столько разрушителем, сколько катализатором тех процессов, которые подспудно зрели внутри самого русского языка. Аналитизм, унификация парадигм, стремление к речевой экономии — все эти тенденции имели место и ранее. Глобализация лишь придала им мощное внешнее ускорение, создав условия, при которых языковая система вынуждена перестраиваться в ускоренном режиме. Морфологическая система современного русского языка демонстрирует удивительную способность к компромиссу: она принимает аналитические элементы, но пытается встроить их в свои синтетические рамки, создавая гибридные формы, отражающие специфику переходного этапа развития национальной культуры в глобальном мире.

Список использованной литературы:

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. — М.: Логос, 2003. — 304 с.

2. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 232 с.
3. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. — СПб.: Златоуст, 1999. — 320 с.
4. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. — М.: Флинта: Наука, 2011. — 328 с.